

«Советский артист», 1962, 10 декабря
ты Большого театра за рубежом

Галина Вишневская рассказывает о своих гастролях в США

ОБЪЯВЛЕНИЕ на дверях оперной канцелярии, возвещавшее о том, что в Круглом зале театра народная артистка РСФСР Г. Вишневская расскажет о своих гастролях в США, привлекло внимание многих. И хотя во время беседы в театре шли репетиции и занятия, желающих послушать рассказ об этих триумфальных гастролях собралось немало.

Живо и непосредственно, подчас с хорошим юмором, поведала Галина Вишневская о том, в каких условиях ей пришлось выступать с многочисленными концертами в городах США, о спектаклях и репетициях в «Метрополитен-опере», в которых она участвовала и которые смотрела и слушала, о своих партнерах по операм «Аида» и «Чю-Чио-Сан», о людях, с которыми ей довелось встречаться во время гастролей.

Американские газеты поместили многочисленные рецензии о выступлениях советской певицы. Выдержки из этих рецензий уже публиковались в советских газетах.

Ниже мы полностью печатаем перевод статьи «Триумфальный дебют Вишневской в «Аиде» из журнала «Музыкальная Америка», где есть не только оценка выступления Г. Вишневской, но содержится некоторый анализ всего спектакля в театре «Метрополитен-опера».

«К списку триумфальных дебютов, которыми блеснула в этом году

«Метрополитен-опера», а именно Нильсен, Прайс и Рисанек, следует добавить триумф великолепного русского сопрано — Галины Вишневской. Она наэлектризовала традиционно холодную аудиторию вечернего спектакля по понедельникам (абонементного. — Ред.) драматически напряженным и вокально совершенным исполнением Аиды.

Я не могу припомнить исполнение более огненное, более насыщенное оригинальными чертами, выявляющее столь высокий интеллект и глубокое музыкальное проникновение. Что касается ее пения, то это было пение артиста-художника. Звучание ее пиано и пианиссимо было изысканно-утонченным. Ее гибкие фразы «Боги мои...» и «О, край родимый...» были чистого золота, а высокие ноты божественны и явились для слушателей откровением.

Любопытно, что в пассажах форте ее голос порой принимал металлический оттенок и вибрато, которое нас вначале несколько насторожило, но потом мы поняли, что это вибрато было не признаком вокальной неустойчивости, а являлось внутренней необходимостью для воплощения образа в данной ситуации. Несомненно, что ни одно сопрано, которое может подать эту громкую фразу на слове «судьба», подобно тому, как это делает Вишневская, не может быть обвинено в неустойчивости. Эта фраза от fortissimo до pianissimo так прекрас-

но парила, а потом своим высоким «си бемоль» и «до» она прорезалась через весь гигантский ансамбль без малейшего признака напряжения.

К числу многих радостей этого вечера следует отнести великолепный ансамбль между Вишневской и Джоном Викерсом, который был самым красивым и героическим Радамесом со времен Мартинелли. Это было его первое появление в этой роли на сцене «Метрополитен-опера». И, несмотря на некоторые вокальные затруднения, в целом исполнение было глубоко впечатляющим.

Как чудесно они построили дуэт в сцене на берегу Нила! Когда Аида начала свою жалобную фразу «Бежим, покинем этот край», она буквально обвилась всем телом вокруг Радамеса, и мы видели, как он постепенно поддавался и таял в ее объятиях, пока с выкриком «О, нет! Бежим!» не сдался.

Оба артиста очень чутко относились к тексту, и каждое слово, спетое ими, было полно значения.

Впервые в роли Амнерис на сцене «Метрополитен-опера» выступила Миньон Дани. Очень плохо одетая и загримированная, в первом и втором актах она вокально была бледна, но в сцене суда она несколько выравнивалась. Раскаянная Амнерис вырвалась из ее сердца, и она обрушила свою ярость на жрецов в диком самозабвении. Она вполне заслужила аплодисменты, которые получила.

Для каждого было ясно, что Ансельмо Кольцани (Амонасро) — один из лучших певцов, поющих сегодня на сцене «Метрополитен». Прекрасный голос и благородная осанка Джерома Хайнца (Рамфис) напомнили мне Пинцу.

Скарро (Царь) и другие исполнители были на высоком уровне.

Дирижер Верчи и оркестр играли с огнем, и публика сидела на краешках стульев в течение всего вечера, который закончился штормовыми овациями.

Можно было забыть об ужасной постановке и простить ужасный балет для того, чтобы полностью отдаться гениальной музыке Верди. Viva Вишневская!

Роберт САБИН.